

4. Mikhailova S. V. Supra-professional competences as competences of a specialist of the future. *Prospects of Science*, 2022, no. 2(149), pp. 176—178. (In Russ.)
5. Appiah-Adu K., Singh S. Customer orientation and performance: a study of SMEs. *Management Decision*, 1998, vol. 36, no. 6, pp. 385—394. DOI: <https://doi.org/10.1108/00251749810223592>.
6. Atlas of new professions. *Official website of the Moscow School of Management “Skolkovo”*. (In Russ.) URL: https://www.skolkovo.ru/public/media/documents/research/sedec/SKOLKOVO_SEDeC_Atlas.pdf.
7. Putin approved the list of instructions in the field of higher education. *Vesti obrazovaniya*. (In Russ.) URL: https://vogazeta.ru/articles/2020/2/3/edpolitics/11407-putin_utverdil_perechen_porucheniy_v_sfere_vysshego_obrazovaniya.
8. Campus courses. *Official website of the University “Dubna”*. (In Russ.) URL: <https://edu.uni-dubna.ru/course/index.php?categoryid=102>.
9. Flexible education: University “Dubna” introduces individual educational tracks. *Official website of the University “Dubna”*. (In Russ.) URL: <https://uni-dubna.ru/News?id=3c26871a-fcc6-4dea-bd03-33f575a5cff0>.
10. Alexander Fadeev: “The world is changing, and we felt that we could change with it”. *Official website of TPU*. (In Russ.) URL: <https://news.tpu.ru/news/2020/12/29/37613/?mode=print>.
11. TPU has opened access to its best online courses for everyone. *Official website of TPU*. (In Russ.) URL: <https://news.tpu.ru/news/2020/03/27/36022/>.
12. Inter-campus disciplines. *Official website of the Higher School of Economics*. (In Russ.) URL: https://www.hse.ru/studyspravka/prof_25_course.
13. Individual trajectory. Choice of disciplines. *ITMO official site*. (In Russ.) URL: https://student.itmo.ru/ru/choice_bach/.
14. Tomsk State University. Campus courses. *Official website of TSU*. (In Russ.) URL: http://www.tsu.ru/education/campus_courses.php.
15. Cherekbashева D. Sh. Soft skills as a key skill of a specialist in the digital economy. *Young scientist*, 2021, no. 14(356), pp. 101—102. (In Russ.) URL: <https://moluch.ru/archive/356/79602/>.

Статья поступила в редакцию 10.08.2022; одобрена после рецензирования 17.09.2022; принята к публикации 24.09.2022.
The article was submitted 10.08.2022; approved after reviewing 17.09.2022; accepted for publication 24.09.2022.

Научная статья

УДК 331.2

DOI: 10.25683/VOLBI.2022.61.445

Райса Ивановна Попова

Senior Researcher,
Institute of Socio-Economic Studies
of Population of the FCTAS RAS
Moscow, Russian Federation
raisa_popova@mail.ru

Майраш Сейтказыевна Токсанбаева

Doctor of Economics,
Chief Researcher,
Institute of Socio-Economic Studies
of Population of the FCTAS RAS
Moscow, Russian Federation
matoksan@mail.ru

Райса Ивановна Попова

старший научный сотрудник,
Институт социально-экономических
проблем народонаселения ФНИСЦ РАН
Москва, Российская Федерация
raisa_popova@mail.ru

Майраш Сейтказыевна Токсанбаева

д-р экон. наук,
главный научный сотрудник
Институт социально-экономических
проблем народонаселения ФНИСЦ РАН
Москва, Российская Федерация
matoksan@mail.ru

ХАРАКТЕРИСТИКИ ЗАНЯТОСТИ В УСЛОВИЯХ ПОСТИНДУСТРИАЛИЗАЦИИ И ДЕИНДУСТРИАЛИЗАЦИИ

5.2.3 — Региональная и отраслевая экономика

Аннотация. Постиндустриальная тенденция развития экономики стала оборачиваться ее деиндустриализацией, которая имеет как отрицательные, так и положительные проявления. По мнению специалистов, в негативном аспекте деиндустриализация чревата разбалансированностью экономики и серьезными социальными издержками, тогда как позитивная деиндустриализация, или неоиндустриализация способствует социально-экономическому прогрессу. Данные процессы не могут не проявляться в характеристиках занятости, изучение которых должно содействовать их выявлению и обоснованию вариантов проведения неоиндустриализации. Как показало исследование, конкретный тип развития (постиндустриальный или деиндустриальный) отражается на секторальных и

профессионально-квалификационных характеристиках занятости, которые, в свою очередь, могут рассматриваться как индикаторы названных типов развития. Анализ выполнен по ряду развитых и транзитивных экономик, а также по странам БРИКС, поскольку с точки зрения постиндустриализации они существенно различаются по масштабам ее протекания. На основе названных характеристик занятости установлено, что большинство развитых экономик и часть стран БРИКС подвержены не столько постиндустриализации, сколько отрицательной деиндустриализации, которая ведет к неустойчивости их развития и консервации, а иногда и росту неквалифицированного труда. Транзитивные экономики, к которым относится Россия (к ним она принадлежит в большей мере, чем

к странам БРИКС), в аспекте индустриального потенциала более устойчивы. Однако их стремление к развитию по типу развитых стран ведет к отрицательной деиндустриализации. В положительной деиндустриализации нуждаются и страны БРИКС, в которых сохраняется высокая занятость в сфере неквалифицированного труда. В настоящее время актуальность укрепления индустриального потенциала существенно

возросла, так как на нем базируется повышение самостоятельности экономик, остро востребованное вследствие нарушения мирохозяйственных связей.

Ключевые слова: постиндустриализация, деиндустриализация, неоиндустриализация, занятость, сектор экономики, профессиональная группа, труд, квалификация, развитые страны, транзитивные страны, страны БРИКС

Для цитирования: Попова Р. И., Токсанбаева М. С. Характеристики занятости в условиях постиндустриализации и деиндустриализации // Бизнес. Образование. Право. 2022. № 4(61). С. 98—104. DOI: 10.25683/VOLBI.2022.61.445.

Original article

CHARACTERISTICS OF EMPLOYMENT UNDER POSTINDUSTRIALIZATION AND DEINDUSTRIALIZATION

5.2.3 — Regional and industrial economy

Abstract. The postindustrial trend in the development of the economy began to turn into its deindustrialization, which has negative and positive forms. According to experts, negative deindustrialization is fraught with an imbalance in the economy and serious social costs. Positive deindustrialization (neo-industrialization) promotes social and economic progress. These processes are manifested in the characteristics of employment, the study of which should contribute to their identification and justification of options for neo-industrialization. As the study showed, the type of development — postindustrial or deindustrial — is reflected in the sectoral and professional and qualification characteristics of employment. They can be considered as indicators of the named types of development. The analysis was carried out for a number of developed and transitive economies, as well as for the BRICS countries. From the point of view of postindustrialization, they differ significantly in the scale of its course. On the basis of these characteristics of employment, it has been established

that most developed economies and some of the BRICS countries are subject not so much to postindustrialization as to negative deindustrialization. It leads to the instability of their development and conservation and the growth of unskilled labor. Transitive economies, which include Russia, are more stable in terms of industrial potential. However, their desire for development in the manner of developed countries leads to negative deindustrialization. The BRICS countries also need positive deindustrialization, where high employment in unskilled labor remains. At present, the urgency of strengthening the industrial potential has increased significantly, since it is based on the increase in the self-sufficiency of economies, which is in great demand due to the disruption of world economic ties.

Keywords: postindustrialization, deindustrialization, neo-industrialization, employment, economic sector, professional group, labor, qualification, developed countries, transitive countries, BRICS countries

For citation: Popova R. I., Toksanbaeva M. S. Characteristics of employment under postindustrialization and deindustrialization, *Business. Education. Law*, 2022, no. 4, pp. 98—104. DOI: 10.25683/VOLBI.2022.61.445.

Введение

Актуальность. Трудовой потенциал и занятость населения меняются в соответствии с социально-экономической средой под воздействием системы общественных отношений и материально-технической базы вооруженности труда и его организации. Они влияют на воспроизводство трудового потенциала через механизм регулирования условий трудовой деятельности, в том числе государственного регулирования, и через технологию производства.

В последнее время мировая социально-экономическая среда подверглась стремительной трансформации под воздействием ряда факторов, в том числе не имеющих экономической природы. К ним, например, относятся пандемия коронавируса и геополитика. Но было бы преувеличением утверждать, что на данную среду влияют исключительно эпидемиологические и геополитические вызовы, и до них не было предпосылок для ее изменения в том или ином варианте. Разумеется, такие предпосылки существовали, и среди них — нарастающая внутренняя противоречивость развития, именуемого постиндустриальным. Как отмечает ряд специалистов, выявились проблемы не только дальнейшего расширения и углубления постиндустриализации, но и возникновения тенденции к деиндустриализации, которая оборачивается примитивизацией производства и деквалификацией труда [1; 2]. В этой связи в нашей стране и за

рубежом поставлен вопрос о необходимости проведения в экономике реиндустриализации и новой индустриализации (неоиндустриализации) [3].

Изученность проблемы. Взгляды специалистов на новую индустриализацию сильно разнятся, что осложняет понимание того, какой должна быть социально-экономическая среда, сформированная этим процессом. Рассмотрение его как своего рода ответа на деиндустриализацию, представляющего собой реиндустриализацию, стало вызывать нарекания. По мнению многих ученых, традиционные критерии деиндустриализации (сокращение занятости в индустриальном секторе экономики и доли этого сектора в ВВП страны) недостаточны для ее идентификации. Необходимо также принимать во внимание, сопрягаются ли данные критерии с технологическим прогрессом и ростом производительности труда, на основе чего различают положительную и отрицательную деиндустриализацию [4]. При отрицательной деиндустриализации более востребована реиндустриализация, а при положительной — неоиндустриализация. Во втором случае критерий уровня индустриальной занятости может не срабатывать, поскольку обычно производительность труда в промышленности растет быстрее, чем в производстве услуг [5]. Более того, ее рост, априорно прокламируемый в сервисном секторе, не находит должного подтверждения [6].

Различение двух видов деиндустриализации связано с тем, что постиндустриализация, согласно традиционным критериям, сопровождается свертыванием промышленного сектора. Но с использованием дополнительных критериев, идентифицирующих положительную деиндустриализацию, она предстает не как завершение индустриального развития, а как его естественное продолжение, а именно распространение машинных технологий на производство услуг [7]. По сути, ее положительный вид — это и есть неиндустриализация, в соответствии с которой индустриальный базис является основой инновационного развития и внедрения принципиально новых технологий [8].

Целесообразность разработки темы. Проблема экономических и социальных издержек постиндустриального развития вызывает в научном сообществе растущий интерес. Среди них — нарастание деиндустриальной тенденции, изучение которой следует проводить в разных ракурсах, в том числе в ракурсе характеристик занятости. Анализ этих характеристик будет способствовать поиску путей противостояния тенденции деиндустриализации и выбору вариантов их реализации.

Научная новизна. Предложены методы исследования проблем деиндустриализации на основе таких характеристик занятости, как ее секторальная и профессионально-квалификационная структура. С учетом экономической неоднородности современных экономик для анализа определены соответствующие группы стран, что позволяет обосновывать особенности их деиндустриализации и возможные способы ее преодоления.

Цель и задачи исследования. Целью работы является разработка теоретических и методических подходов к анализу влияния деиндустриализации на характеристики занятости на основе статистики Росстата и Международной организации труда. В задачи исследования вошли отбор показателей, испытывающих воздействие деиндустриализации, их качественный и количественный анализ, обоснование направлений противодействия деиндустриальной тенденции по отобранным группам стран.

Теоретическая и практическая значимость. Исследование расширяет спектр концептуальных основ изучения современных процессов постиндустриализации и деиндустриализации, необходимых для их инструментального анализа на базе характеристик занятости по группам стран, включая Россию. Полученные результаты будут полезны для обоснования вариантов корректировки структуры занятости, отвечающей задачам неиндустриализации.

Основная часть

Как уже отмечено, постиндустриальная тенденция, еще недавно считавшаяся однозначно позитивной, стала продуцировать проблемы, в том числе в сфере занятости, которые противоречат постиндустриальному прогрессу. Среди них можно выделить распространение долгосрочной безработицы [9], прекариальной занятости [10; 11] и формирования слоя NEET (не работают и не учатся) [12]. Но связь этих явлений с процессом деиндустриализации обычно не исследуется. Поэтому рассмотрены характеристики занятости, на которые деиндустриализация не может не оказывать влияния.

Методология. К характеристикам занятости, испытывающим воздействие деиндустриализации, отнесены ее секторальная и профессионально-квалификационная структуры. Секторальная структура включает следующие агрегаты: первичный (добывающий), вторичный (индустриальный) и третичный (производство услуг) сектора.

Профессионально-квалификационная структура строится на основе профессиональных групп работников, которые ранжируются по уровню квалификации. Используется также индикатор доли промышленности в ВВП, позволяющий идентифицировать отрицательную деиндустриализацию. Анализ проведен по группам стран — развитым, транзитивным экономикам и странам БРИКС. К анализу привлечена официальная статистика, а именно, данные Росстата и Международной организации труда (МОТ).

Для анализа секторальной структуры занятости отобраны европейские страны, признанные странами с развитой (Германия и Франция) и транзитивной (Чехия, Польша и Россия) экономикой. Сравнение проведено по данным Росстата за 2014 г., когда многие страны вышли из начавшегося в 2008 г. мирового экономического кризиса, и за 2019 г., предшествующий началу эпидемиологического кризиса (табл. 1). Сектора экономики обозначены в таблице как 1-й, 2-й и 3-й.

Таблица 1

Занятость в ряде развитых и транзитивных стран по секторам экономики в 2014 г. и 2019 г., %

Страна	Сектора экономики, 2014 г.			Сектора экономики, 2019 г.		
	1-й	2-й	3-й	1-й	2-й	3-й
<i>Развитые экономики</i>						
Германия	1,4	28,1	70,5	1,2	27,1	71,7
Франция	2,8	20,5	76,7	2,5	20,1	77,4
<i>Транзитивные экономики</i>						
Чехия	2,7	38,0	59,3	2,7	37,2	60,1
Польша	11,5	30,5	58,0	9,1	31,9	59,0
Россия	6,7	27,2	66,1	5,8	26,8	67,4

Источник: расчеты по: Россия и страны мира, 2016, 2020 // Росстат. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/13241> (дата обращения 24.08.2022).

Тенденции изменения секторальной структуры занятости, отраженные в табл. 1, в большинстве рассмотренных стран характерны для постиндустриального развития, при котором сокращаются доли работников в добывающем (здесь — в аграрном) и индустриальном секторах, а в производстве услуг их доля растет. При этом в развитых странах удельный вес занятости в третичном секторе стал доминирующим (свыше 50 %) еще в 1950-1960-х гг., в 1980-е гг. он уже перешагнул 60 %-ный рубеж, а в 1990-е гг. превысил 70 % [13]. Это подтверждает и информация на примере Германии и Франции, которые еще недавно считались эталонными с точки зрения постиндустриализации. Однако затем именно развитые страны стали рассматриваться и как лидеры деиндустриализации, в частности из-за вывода промышленных предприятий с высокой фондо- и трудоемкостью за рубеж на аутсорсинг. Со временем вследствие этого был поставлен вопрос о необходимости реиндустриализации в этих странах [14].

В транзитивных экономиках доля работников производства услуг тоже повышалась, и в 2019 г. достигла уровня, характерного для развитых стран еще в 1960—1970-е гг., что создает впечатление отстающего протекания постиндустриализации. Отчасти это имеет под собой основания. Так, индустриальная занятость в данных экономиках была заметно выше, чем в развитых странах. Ее больший уровень можно объяснить меньшим выводом промышленности за рубеж, а также наследием плановой экономики, в рамках которой Чехия и Польша были индустриально продвинутыми. То же можно сказать о других сравнительно развитых транзитивных

странах, а именно о Венгрии и Словакии. В Венгрии в 2014 г. индустриальная занятость достигала 30,5 %, а в Словакии — 35,4 %. Солидным наследием обладала и Россия. Так, в 1990 г., по данным Росстата, на индустриальный сектор приходилось свыше 40 % работников, но в «лихие 90-е» страна стала стремительно утрачивать индустриальный потенциал (до 30,4 % занятых в 2000 г.) в пользу разрастания производства услуг. По показателю занятости в третичном секторе (67,5 % в 2019 г.) Россия сблизилась с развитыми странами, отрываясь от транзитивных экономик. Надо полагать, что сказалось форсированное формирование социально-экономической среды с перекосом в либеральные механизмы регулирования, долгое время свойственное нашей стране.

В современных условиях процессы индустриального и постиндустриального развития следует рассматривать не только на примере развитых и транзитивных экономик, но и государств, которые демонстрируют значительный прогресс в области материально-технической вооруженности труда. В этой связи проведем еще одно сравнение, а именно по странам БРИКС (Китай, Бразилия, Индия, ЮАР, Россия), пока не имеющих репутации развитых. Как известно, их относят к быстро развивающимся экономикам, соответственно в них индустриальный прогресс в принципе гораздо более востребован, чем в развитых и транзитивных экономиках. А в современных условиях, он, по крайней мере частично, должен сопровождаться положительной деиндустриализацией. Динамика долей занятых в секторах экономики за 2014 г. и 2019 г. отражена в табл. 2. Россия, включенная в табл. 1, из табл. 2 исключена.

Таблица 2

Занятость в странах БРИКС по секторам экономики в 2014 г. и 2019 г., %

Страна	Сектора экономики, 2014 г.			Сектора экономики 2019 г.		
	1-й	2-й	3-й	1-й	2-й	3-й
Китай	29,5	29,9	40,6	25,3	27,4	47,3
Бразилия	10,2	22,9	66,9	9,1	19,9	71,0
Индия	43,5	24,4	32,1	42,6	25,1	32,3
ЮАР	14,0	23,4	62,6	16,4	22,3	61,3

Источник: расчеты по: Россия и страны мира, 2016, 2020 // Росстат. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/13241> (дата обращения: 24.08.2022).

Данные табл. 2 показывают, что Китай и Индия, несмотря на впечатляющие успехи по величине ВВП (по ППС соответственно первое и третье место в мире), не вышли на уровень постиндустриальной занятости. При этом в Индии наблюдался индустриальный тип развития, при котором сокращается аграрная занятость, а индустриальная имеет тенденцию к росту. Это связано со значительной долей работников в первичном секторе экономики. Ее сокращение обычно базируется на индустриальном прогрессе, без которого занятость в производстве услуг не выходит на последующий постиндустриальный уровень. Высокая аграрная занятость характерна и для Китая, но в рассмотренном периоде ее снижение было более интенсивным (на 14,3 % против 2 % в Индии). Этот процесс сочетался с сокращением промышленной занятости, что может быть свидетельством положительной деиндустриализации.

Что касается Бразилии и ЮАР, то в них параметры распределения занятости по секторам экономики близки к параметрам отобранных транзитивных стран. В то же время они заметно уступают этим странам по индустриальной

занятости. Не исключено, что их затронула отрицательная деиндустриализация.

Для оценки процессов, относящихся к положительной или отрицательной деиндустриализации, воспользуемся разработанными А. А. Акаевым критериями отраслевой структуры ВВП, которая определена автором как сбалансированная. Ее ядром, — локомотивом технико-экономического развития, — является обрабатывающая промышленность, и отклонение ее параметров от эталонных (примерно 20 % ВВП) в сторону понижения ведет к структурной неустойчивости экономики [15]. Рассмотрим данные по доле промышленности в ВВП на примере отобранных развитых и транзитивных экономик. Поскольку информация по обрабатывающей индустрии зарубежных стран Росстатом не публикуется, то использован показатель, в который, помимо обрабатывающих производств, входит добывающая промышленность, а также производство и распределение электроэнергии, газа и воды. В отличие от показателя вторичного сектора экономики, в него не включено строительство. Хотя он все равно превышает требуемый показатель, но определенное представление об отклонении от эталонного параметра на его основе можно получить (рис. 1).

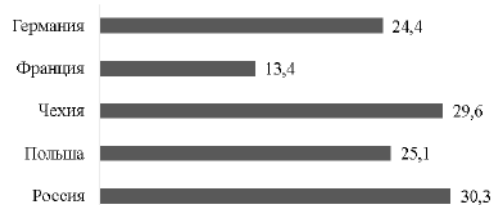

Рис. 1. Доля промышленности в ВВП ряда развитых и транзитивных стран в 2019 г., %

Источник: составлено по: Россия и страны мира, 2020 // Росстат. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/13241> (дата обращения: 30.08.2022).

По данным рис. 1, деиндустриализация выявилась во Франции, поскольку даже по завышенному показателю промышленности доля этого отраслевого агрегата в ВВП гораздо ниже эталона. Следует также сказать, что в большинстве развитых и среднеразвитых стран, входящих в так называемый «золотой миллиард», доля «завышенной» промышленности не дотягивает до 20 %. Так, например, в США в 2019 г. она составляла 14,7 %, в Великобритании — 13,3 %, в Испании — 15,7 %. Исключение составили в основном страны с высокой долей добычи природных ресурсов, такие, как Норвегия (доля промышленности в ВВП — 29,5 %). Есть основания полагать, что эти страны в своем большинстве испытывали отрицательную деиндустриализацию.

В отобранных развитых странах отрицательной деиндустриализацией, возможно, не была затронута Германия, которая в 2019 г. оставалась индустриально развитой страной. То же можно сказать и о транзитивных экономиках — Чехии и Польше, тогда как в России на высокий показатель доли промышленности в ВВП, как и в Норвегии, повлияла добывающая индустрия.

Перейдем к показателям промышленности по отношению к ВВП в странах БРИКС (исключая Россию), по данным Росстата за 2020 г. (рис. 2).

Судя по рис. 2, отрицательная деиндустриализация наблюдалась в Бразилии и ЮАР, хотя однозначно утверждать этого нельзя. В данных странах занятость в аграрном секторе заметно выше, чем в государствах, в которых, согласно модельным

расчетах А. А. Акаева на материале статистики стран Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР), доли промышленности в ВВП близки к эталонным показателям. Тем более, то же можно сказать о Китае и Индии, где удельный вес аграрных работников на порядок больше, чем в большинстве развитых стран. В этой связи можно полагать, что в странах БРИКС реализуются модели современного развития, логика которых не согласуется с представлениями об индустриальном и постиндустриальном прогрессе.

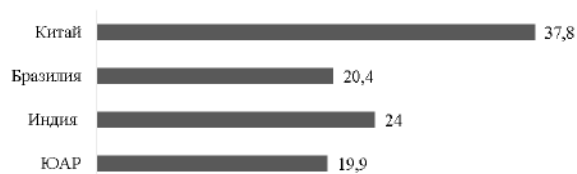

Рис. 2. Доля промышленности в ВВП стран БРИКС в 2020 г., %

Источник: составлено по: BRICS Joint Statistical Publications, 2021. // Росстат. URL: [https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/BRICS%20Joint%20Statistical%20Publication_2021\(3\).pdf](https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/BRICS%20Joint%20Statistical%20Publication_2021(3).pdf) (дата обращения: 31.08.2022).

В качестве дополнительной информации, дающей представление, пусть и ограниченное, об уровне технико-экономического развития экономики и процессах положительной и отрицательной деиндустриализации, можно также использовать профессиональную структуру работников. Она коррелирует с типами экономического развития, и в зависимости от них различается по уровню спроса на квалифицированный труд [16].

Для сравнения по развитым и транзитивным экономикам и странам БРИКС использованы данные Международной организации труда (далее — МОТ), в которых для профессиональных групп использован классификатор ISCO-08, несколько отличающийся от Общероссийского классификатора занятости (далее — ОКЗ) Росстата. В основном это относится к группе квалифицированных рабочих, которая в обоих классификаторах разбита на кадры высокой и средней квалификации. В ОКЗ она разделена, с одной стороны, на квалифицированных рабочих промышленности и пр., а с другой — на операторов, сборщиков, водителей, и это разделение не совсем совпадает с ISCO-08. Для нивелировки этих расхождений квалифицированные рабочие объединены в одну группу, тем более что в нашей стране их заработки почти идентичны, а потому вряд ли серьезно варьируется квалификация.

Кроме того, в одну профессиональную группу объединены специалисты высокой и средней квалификации, так как в России удельный вес высококвалифицированных специалистов заметно выше, чем в других отобранных странах, и, видимо, преувеличен (25 % в 2019 г. против 17—19 %). Так, по опросам менеджмента промышленных предприятий в стратегических отраслях, проведенным ИСЭПН ФНИСЦ РАН в 2017—2018 гг. методом качественного интервью, соответствующее завышение должностного статуса специалистов средней квалификации, а иногда даже служащих — не редкость.

Расчеты по скорректированным для ОКЗ профессиональным группам в отобранных европейских странах отражены в табл. 3.

Таблица 3

Занятость в ряде развитых и транзитивных стран по профессиональным группам в 2019 г., %

Профессиональная группа	Развитые экономики		Транзитивные экономики		
	Германия	Франция	Чехия	Польша	Россия
Руководители	5,0	7,6	4,5	6,3	6,0
Специалисты	41,4	39,4	33,3	34,1	38,8
Служащие	12,4	8,1	9,5	6,3	2,9
Работники обслуживания	14,0	16,1	15,4	13,1	15,7
Квалифицированные рабочие	18,1	16,3	29,9	26,0	26,3
Неквалифицированные рабочие, квалифицированные аграрные работники	9,1	12,5	7,4	14,2	10,3
Всего	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0

Источник: расчеты по данным МОТ. Databases ILOSTAT. Employment statistics // МОТ. URL: <https://ilostat.ilo.org/topics/employment/> (дата обращения: 02.09.2022).

По данным табл. 3, вырисовываются различия по развитым и транзитивным экономикам, которые коррелируют с расхождениями по уровню занятости в реальном (товарном) производстве, включая индустриальный сектор. В развитых странах, где этот уровень скромнее, выше доля специалистов и ниже — квалифицированных и неквалифицированных рабочих¹. В них рост доли специалистов связан с расширением сферы профессиональных и деловых услуг, занятость в которых, по данным Росстата, в развитых экономиках выше, а специалисты принадлежат к ключевым профессиональным группам. Так, по информации выборочных обследований организаций по заработной плате и профессиональным группам (ОЗПП) Росстата, в нашей стране в 2019 г. удельный вес высококвалифицированных специалистов в данных отраслях в основном был не меньше

половины всех работников. Поэтому рост занятости в названных услугах обычно ассоциируют с постиндустриальным формированием общества знаний.

Вариация долей рабочих групп коррелирует с занятостью в реальном производстве, на которую, по информации ОЗПП, в 2019 г. пришлось около 70 % всех квалифицированных рабочих (почти 65 % — на индустриальный сектор). Доля этой профессиональной группы в аграрном секторе составила 40,5 %, а в индустриальном секторе — 57 %. Поэтому квалифицированных рабочих больше в транзитивных экономиках, но также внутри как этих, так и развитых стран, где наблюдается повышенная индустриальная занятость (в Германии и Чехии). С точки зрения противодействия отрицательной деиндустриализации названные страны обладают предпочтительными возможностями.

¹Группа неквалифицированных рабочих и квалифицированных аграрных работников рассмотрена как группа неквалифицированных рабочих, так как, по данным Росстата, их удельный вес в объединенной группе в несколько раз выше.

Что касается неквалифицированных рабочих, то в реальном производстве «зоной» их концентрации традиционно считается аграрное производство. Но не менее они распространены и в производстве услуг, особенно в сфере услуг населению. Так, по данным ОЗПП, в 2019 г. доля этих рабочих в аграрном секторе составляла около 15 %, а в таком виде потребительских услуг, как гостинично-ресторанный бизнес, доходила до 27 %. Занятость неквалифицированным трудом, близкая по уровню к занятости более квалифицированных служащих и работников обслуживания, является одной из противоречивых особенностей постиндустриального развития, проявляющихся в вытеснении квалифицированного рабочего труда и замене его неквалифицированным. С этим процессом во многом связано обоснование необходимости реиндустриализации и неоиндустриализации, которые в той или иной мере реализуются. Судя по информации табл. 3, меньшая доля неквалифицированных рабочих наблюдается в развитых и транзитивных экономиках с большим индустриальным потенциалом (Германия и Чехия), что дает основания предполагать реализацию в них неоиндустриализации.

Теперь рассмотрим профессиональную структуру стран БРИКС (табл. 4).

Таблица 4

**Занятость в странах БРИКС
по профессиональным группам в 2019 г., %**

Профессиональная группа	Китай	Индия	Бразилия	ЮАР
Руководители	3,1	7,5	4,5	9,2
Специалисты	11,7	8,5	19,2	14,3
Служащие	4,0	2,0	8,2	10,4
Работники обслуживания	19,4	9,4	23,2	16,4
Квалифицированные рабочие	26,0	17,6	21,6	20,2
Неквалифицированные рабочие, квалифицированные аграрные работники	35,8	55,0	23,2	29,5
Всего	100,0	100,0	100,0	100,0

Источник: расчеты по данным MOT. Databases ILOSAT. Employment statistics // MOT. URL: <https://ilostat.ilo.org/topics/employment/> (дата обращения: 02.09.2022).

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Бодрунов С. Д. Реиндустриализация России: возможности и ограничения // Труды вольного экономического общества. 2014. № 1. С. 15—46.
2. Сухарев О. С. Реиндустриализация экономики России и технологическое развитие // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. 2014. № 10(247). С. 1—16.
3. Szirmai A. Industrialisation as an engine of growth in developing countries, 1950—2005 // Structural Change and Economic Dynamics. 2012. № 23(4). P. 406—420.
4. Красильщиков В. Деиндустриализация, реиндустриализация и развитие // Мировая экономика и международные отношения. 2016. Т. 16. № 8. С. 34—43. DOI: 10.20542/0131-2227-2016-60-8-34-43.
5. Родионова И. А. Трансформация труда и занятости в постиндустриальном обществе // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия : медицина. 2007. № 2. С. 73—86.
6. Михеева Н. Н. Сервисный сектор в российской экономике: межотраслевой анализ // Проблемы прогнозирования. 2005. № 1. С. 72—88.
7. Амосов А. И. О возможности достижения целевых индикаторов нового индустриального развития // Вестник Института экономики РАН. 2014. № 4. С. 21—32.
8. Зяблюк Р. Т., Титова Н. И. Неоиндустриализация экономики России: необходимость и возможность // Вестник Московского университета. Серия 6. Экономика. 2016. № 2. С. 119—135.

Согласно табл. 4, профессиональная структура стран БРИКС значительно отличается от структуры развитых и транзитивных стран по следующим показателям. Прежде всего, в них выше занятость неквалифицированным трудом, в особенности в Китае и Индии. Во многом это обусловлено более высокой долей аграрных работников и недостаточным для их более интенсивного сокращения развитием промышленного производства. Далее, в странах БРИКС в основном ниже занятость квалифицированных рабочих, что также свидетельствует об ограниченной индустриализации, которая в Бразилии и ЮАР, видимо, приняла форму отрицательной деиндустриализации. И, наконец, в рассматриваемых странах сравнительно невысока доля специалистов, а значит, в них востребована как постиндустриализация, так и неоиндустриализация.

Заключение

Анализ структуры занятости по секторам экономики выявил, что в развитых, транзитивных экономиках и странах БРИКС изменение этой структуры в основном протекает по логике постиндустриализации, а именно путем сокращения занятости в индустриальном секторе и росте в производстве услуг. Однако использование критерия сбалансированной и устойчивой экономики (доля промышленности в ВВП) показало, что большинство развитых стран и часть стран БРИКС (Бразилия и ЮАР) подвержены отрицательной деиндустриализации, а потому нуждаются в реиндустриализации в ее сочетании с неоиндустриализацией. Надо полагать, что в неоиндустриализации заинтересованы и транзитивные страны, включая Россию, в которых, хотя и не выявлена явно отрицательная деиндустриализация, но и положительная деиндустриализация не нашла убедительного подтверждения. В странах БРИКС также необходима неоиндустриализация, о чем говорит сравнительно высокая занятость в сфере неквалифицированного труда и весьма скромная занятость в сфере труда специалистов. В современных условиях потребность в неоиндустриализации обострилась в связи с геополитической обстановкой и вызванным ею нарушением мирохозяйственных связей, что требует повышения самодостаточности национальных экономик. А ядром самодостаточности является промышленность, и прежде всего, обрабатывающие производства, актуальность развития которых существенно возрастает.

9. Forbes M., Barker A. Local Labour Markets and Unemployment Duration. *Economic Record*, 2017. Vol. 93. Iss. 301. Pp. 238—254.
10. Standing G. *Precariat. The New dangerous class*. London; New York, 2011. 190 p.
11. Kalleberg A. L. Precarious Work, Insecure Workers: Employment Relations in Transition // *American sociological review*. February 2009. No. 74(1). Pp. 1—22.
12. Gladwell D., Popli G., Tsuchiya A. A. Dynamic analysis of skill formation and NEET status // *Sheffield economic research paper series*. 2016. № 2015016. 46 p.
13. Социум XXI века: рынок, фирма, человек в информационном обществе. М. : ТЕИС, 1998. 279 с.
14. Васильева Н. Ф., Ляшенко А. Ю. Индустриальная политика в США и Европе: курс на реиндустриализацию // *Вестник Института экономических исследований*. 2017. № 3. С. 51—61.
15. Акаев А. А. Анализ и моделирование стратегических возможностей модернизации российской экономики // *Мир России*. 2012. № 2. С. 27—60.
16. Аникин В. А. Профессиональная структура населения и тип экономического развития страны // *Terra Economicus*. 2013. № 2. С. 41—68.

REFERENCES

1. Bodrunov S. D. Reindustrialization of Russia: opportunities and limitations. *Scientific works of the free economic society of Russia*, 2014, vol. 180, pp. 15—46. (In Russ.)
2. Sukharev O. S. Reindustrialization of the Russian economy and technological development. *Scientific works of the free economic society of Russia*, 2014, vol. 180, pp. 114—131. (In Russ.)
3. Szirmai A. Industrialisation as an engine of growth in developing countries, 1950—2005. *Structural Change and Economic Dynamics*, 2012, no. 23(4), pp. 406—420.
4. Krasilshchikov V. A. Deindustrialization, reindustrialization and development. *World economy and international relations*, 2016, vol. 16, no. 8, pp. 34—43. (In Russ.)
5. Rodionova I. A. Transformation of labor and employment in a post-industrial society. *RUDN Journal of medicine*, 2007, no. 2, pp. 73—86. (In Russ.)
6. Mikheeva N. N. Service sector in the Russian economy: cross-sectoral analysis. *Problems of Forecasting*, 2005, no. 1, pp. 72—88 (In Russ.).
7. Amosov A. I. About the possibility of new industrial development target indicators achievement. *Vestnik Instituta ekonomiki*, 2014, no. 4, pp. 21—32. (In Russ)
8. Zyablyuk R. T., Titova N. I. The neoindustrialization of Russian economy: necessity and possibility. *Moscow University Economics Bulletin*, 2016, no. 2, pp. 119—135. (In Russ)
9. Forbes M., Barker A. Local Labour Markets and Unemployment Duration. *Economic Record*, 2017, vol. 93, iss. 301, pp. 238—254.
10. Standing G. *Precariat. The New Dangerous Class*. London, New York, 2011. 190 p.
11. Kalleberg A. L. Precarious Work, Insecure Workers: Employment Relations in Transition. *American sociological review*. February 2009, no. 74(1), pp. 1—22.
12. Gladwell D., Popli G., Tsuchiya A. A. Dynamic Analysis of Skill Formation and NEET Status. *Sheffield Economic Research Paper Series*, 2016, no. 2015016, 46 p.
13. *Society of the 21st century: market firm man in the information society*. Moscow, TEIS, 1998. 279 p. (In Russ)
14. Vasilieva N. F., Lyashenko A. Yu. Industrial policy in the USA and Europe: the course towards industrialization. *Vestnik of Institute of Economic Research*, 2017, no. 3, pp. 51—61. (In Russ)
15. Akaev A. A. Modernization of the Russian economy: analysis and modeling of strategic potential. *Universe of Russia*, 2012, no. 2, pp. 27—60. (In Russ)
16. Anikin V. A. Professional structure of population and a mode of the nation's economic development. *Terra Economicus*, 2013, no. 2, pp. 41—68. (In Russ)

Статья поступила в редакцию 10.08.2022; одобрена после рецензирования 17.09.2022; принята к публикации 24.09.2022.
The article was submitted 10.08.2022; approved after reviewing 17.09.2022; accepted for publication 24.09.2022.